

ГНЕВ в русских поэтических текстах: метафорические модели

В статье рассматриваются реализации метафорических моделей, объективирующие концепт «Гнев». Материалом для исследования служит обширный корпус фрагментов русских поэтических текстов XVIII–XXI веков, в которых выявляются образные соответствия гнева. Данная эмоция предстает как огонь, свет, мрак, явления природы, вода, существо, вещество и др. Основаниями традиционных сопоставлений являются признаки интенсивности, разрушительной силы, особенностей протекания: гнев *просыпается, вспыхивает, разгорается, зреет, кипит, угасает*. Отмечена специфика разных форм гнева (злобы, ярости); указаны разновидности гнева: Божий, человеческий, народный. Божий гнев обладает значительной разрушительной силой (модели «гнев — огонь», «гнев — вода») и находится в верхней части пространства мира. В поэзии XX–XXI веков происходит переосмысление и развитие традиционных моделей, обусловленных, например, некоторыми тенденциями развития новой поэзии. Образы гнева становятся более предметными, конкретизированными.

Ключевые слова: гнев, эмоция, метафорическая модель, поэтический текст.

Антропоцентричность современного языкознания определяет активизацию научных исследований в области изучения эмоциональной сферы человека (работы Н. Д. Арутюновой, В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, С. Г. Воркачева, Л. Н. Иорданской, Н. А. Красавского, В. И. Шаховского и др.). Жизнь человека невозможно представить без субъективного переживания тех или иных состояний и отношения его к разнообразным объектам одушевленного и неодушевленного мира. Структура сознания человека, его мышления, по мнению современных ученых, включает эмоциональную составляющую; мысли, действия человека оказываются мотивированными его эмоциями. Эмоциональный мир человека, воплощенный в языке, рассматривается в разных аспектах — от лексикографических описаний до характеристики эмоциональных концептов, на материале одного языка и в сопоставительном плане и т. д.

Языковая репрезентация концептов внутреннего мира человека осуществляется главным образом посредством тропов, реализующих те или иные метафорические модели (далее — ММ), за которыми стоят модели более общего плана — когнитивные. Метафора — важнейший способ миромоделирования, находящий отражение

в языковых структурах, обладающих семантической двуплановостью. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, суть метафоры есть «понимание и переживание сущности одного вида в терминах другой» [1]. Метафорическая модель представляет собой схему уподобления какого-либо объекта (предмета, действия, ситуации...), принадлежащего одной понятийной сфере, аналогичному объекту иной сферы.

Эмоция гнева принадлежит к базовым эмоциям (к которым К. Изард относит также радость, интерес, удивление, печаль, отвращение, презрение и страх [2]), актуальность которых не утрачивается со временем вследствие «константности» данных эмоций. Словесное воплощение концепта «Гнев» отражает «целый комплекс когнитивных и поведенческих реакций, постоянно меняющихся в соответствии с условиями и отвечающих внутренним и внешним требованиям» [3]. Среди научных работ, так или иначе затрагивающих упомянутый концепт, выделяются исследования сопоставительного плана, имеющих целью определить специфику гнева в разных языках и культурах. Например, Н. А. Красавский рассматривает признаки концепта «Гнев» на материале немецких и русских пословиц [4], М. В. Маркина — в русских и английских текстах [5], Ли Инин и Сунь Ин — в русской и китайской женской прозе [6] и т. д.

Толковые словари определяют гнев как чувство сильного негодования, возмущения, ярости, состояние раздражения, озлобления. Словарные толкования указывают на известное сходство данных чувств и состояний. Негодование определяется как возмущение, крайнее недовольство; возмущение и ярость — как сильный гнев; раздражение — как нервное возбуждение, соединенное с досадой, озлоблением; озлобление — как ожесточение, нахождение в состоянии злобы — чувства гневного раздражения, недоброжелательства против кого-либо [7]. Как отмечает П. М. Омарова, различия данных состояний «нередко нивелируются, вплоть до взаимозаменяемости» [8]. Н. В. Павлович включает в этот перечень также мщение и возмездие [9], в словарных толкованиях которых, однако, отсутствуют указания на соответствующую эмоцию.

Одно из наиболее заметных образных соответствий гнева в русских поэтических текстах отражено в ММ «**гнев — огонь**». Основанием данного сопоставления в старой русской поэзии служит

могучая разрушительная сила огня, способность уничтожать, что обнаруживается прежде всего при описании Господня гнева, истребляющего врагов, например:

Как сильным печь огнем разжжженна, / Так гнев от взора твоего / На них дохнет — и, скрыв их тьмою, / Так в молниях пожнет своих... (Г. Державин); *Послал еси на них ты гнев свой справедливый, / И гнев их пояде, как огонь созрелы нивы* (В. Майков).

Подобно огню, гнев может вспыхивать, гаснуть, таиться под пеплом:

И мучивший меня в нем гнева огонь угас (В. Капнист); *Потух мой гнев, безумный, детский гнев* (Д. Мережковский); *Вдруг, будто в пепле огонь, скрывая в сердце гнев, / Князь Курбский встал* (М. Херасков) и др.

В примерах сочетаний существительного *гнев* с глаголами горения (*гореть, пылать, вспыхнуть* и т. п.), а также в словосочетании *пламя гнева*, как отмечается в научной литературе, отражается, вероятно, древняя славянская символика (огонь как символ гнева) [10]. Н. Д. Голев, комментируя примеры этимологических рефлексий в словах *огонь, гнев, огневаться, прогневаться*, говорит о возможности совмещения народной и научной этимологии [11]. Вместе с тем следует отметить наличие образного соответствия гнева и огня и в иных культурах и языках: соответствующая ММ реализует себя в англоязычных художественных текстах [12], в китайском языке для обозначения огня и гнева используется один иероглиф.

Значительную часть метафорического пространства концепта гнев занимают реализации **ММ «гнев — стихия»**, представленных в частных сопоставлениях гнева с явлениями природы. Для старой поэзии типично сопоставление гнева с бурей. Такое состояние приуще, например, воинам, истребляющим врагов отечества: *Да в буре гнева глас прочмится: / Умри, умри, России враг!* (Н. Карамзин) и др. В текстах Г. Державина и его современников буря предстает аналогом — и воплощением — Божьего гнева, обрушивающегося на погрязший в грехе мир, сокрушающего земную твердь и обращающего в кровь небо и море («Целение Саула» и др.). Гнев-буря оказывается всепоглощающим, это эмоция высокого накала, значительной силы. В текстах разных авторов встречаются уподобления гнева грозе, ветру, вихрю — природным явлениям, перед которыми человек оказывается слабым и бессильным.

ММ «гнев — свет» представлена сопоставлениями гнева с естественными и искусственными источниками света. Традиционной

является параллель с молнией; лежащий в основе данного сопоставления признак — главным образом опасность и сила молнии как атрибута грозы, однако возможны и иные. В поэме М. Хераскова «Россиада» проявляются два признака — в зависимости от вида и характера носителя эмоции. Российское войско, подобное туче, несет в себе молнии гнева как оружие против врага; женский же гнев кратковременен, как вспышка молнии, и порой неискренен:

Возможно ли жене в ея угрозах верить? / Они и злобствуя умеют лицемерить; / Их гнев есть молния, которая сверкнет, / Но солнце, возсияв, опять сиять начнет.

В основе уподобления гнева солнечному и звездному свету лежат прежде всего цветовые характеристики. Символика гнева традиционно передается красным цветом — цветом огня и крови. В русских поэтических текстах гнев ассоциируется с алой, багряной, багровой зарей. Цветовому признаку может сопутствовать динамический: восход солнца неизбежен и неостановим, например: *Мой гнев, как кровь зари Востока, / Ничто не в силах укротить!* (И. Северянин). Звезда как поэтический аналог гнева имеет соответствующий оттенок (красная, багровая, багряная). Падающая звезда предстает воплощением небесной кары: *Велик, ужасен гнев богов! / Но пусть и на главу врагов / Спадет он гибельной звездой* (М. Лермонтов) и др.

Гнев уподобляется как свету, так и тьме (**ММ «гнев — тьма»**) — в ее разновидностях: это собственно тьма, мрак (отсутствие света), сумрак (неполная тьма, полумрак), мгла (непрозрачный воздух). В старой поэзии такой гнев, являющийся проявлением возмездия, человеческого или божественного, отличается масштабом: простирается, например, *над светлым царским домом* (М. Херасков), несет гибель городам и людям: *Там мрак божественного гневу / Подвергнул грады и полки / На жертву алчной смерти зеву* (М. Ломоносов). Гнев затемняет лицо человека: *И гневом, будто мглой ночи, / Покрылось старое чело* (А. Пушкин) и др. Смысловой близостью с такими сопоставлениями отличаются реализации **ММ «гнев — туча»**. Данная модель издавна закреплена в поэтической традиции. В основе сопоставлений лежит представление о гневe как о чем-то темном и способном затемнять (лицо или душу человека), о «грозовом» характере гнева, о его способности сгущаться и приобретать все больший объем, например:

И на челе его суровом / Сгущался гневной тучи мрак (К. Павлова); Словно небо, глаза раздвигаются, / Полны гневными тучами (В. Шершеневич).

В одном из рождественских стихотворений Б. Пастернака туче гнева оказываются присущи не только темнота, объемность и тяжесть, угнетающее действие на человека, но и способность закрывать от людей небо — как высший мир:

Под тучей гнева были мы, / Под тяготением проклятья — / Христос рассеял ужас тьмы / Нам воссиявшей благодатью.

ММ «гнев — жидкость» основывается на представлении о гневe как проявлении водной стихии с ее подвижностью, а также опасностью. Гнев может хлынуть потоком, снося все на своем пути, его волны накрывают и разум человека, и всю его личность, и его отношения с другими людьми. Волны гнева — одна из наиболее частотных реализаций упомянутой ММ. Они разрушительны, но могут быть укрощены. Например:

Пойди к нему и в волны / Его погибельного гнева / Пролей твоих советов / Мирительное масло (В. Жуковский).

Представление о гневe как жидкости отражено в **ММ «гнев — вместилище»** (сосуд вместе с его содержимым). Этот сосуд является объектом разных действий: его осушают, преподносят, проливают на объект негодования:

Если же останется жить он и гнева / Кубок не выпьет, — / Дева, прости (Д. Андреев); На родину твою / Весь гнева моего фиал я пролию / И смерти все предам (И. Дмитриев); И растворяют крылья врат, / Из коих Истина царева / Течет, божественная дева, / Земле износит чашу гнева / Или же благодати сосуд (В. Кюхельбекер); Не гнева ль вечного фиал / В то время жжет воображенья (В. Тепляков) и др.

Гнев концептуализируется и как вещество (**ММ «гнев — вещество»**), способное при употреблении внутрь подчинить волю человека, опьянив его, например:

Известно, что и гнев порой мутит, как хмель (В. Брюсов); Кто раз испил мельной отравы гнева, / Тот станет палачом иль жертвой палача (М. Волошин).

Разрушительная сила гнева представлена в ряде реализаций **ММ «гнев — орудие»**, в частности оружие разных видов (холодное, огнестрельное, таранного типа), а также ловушки типа сетей. Старинное оружие как образное соответствие гнева в ряде случаев имеет вид меча, зачастую являющегося метафорой Божьего гнева, например:

... И твердо знать, что меч Господня гнева / В ночи не встанет над тобой (М. Шкапская); Обугленное бревно / Божественного гнева / Качается, нацелилось в

окно (В. Хлебников). Бессильный гнев уподоблен пришедшему в негодность оружию — например, отсыревшему пороху (Б. Поплавский).

Гнев ассоциативно связан с кузнечным делом, что отражено в уподоблении его горну, мехам, тискам.

В русских поэтических текстах встречаются метафорические соответствия, представленные меньшим количеством реализаций по сравнению с вышеназванными. К ним относятся **ММ «гнев — животное»** (основание сопоставления — опасность для человека, которого гнев грызет, терзает, душит), **«гнев — плод»** (способность созреть), **«гнев — изделие из ткани»**, представленная главным образом метафорой *знамя гнева*, в основании которой лежат особенности символики знамени. Данная метафора неоднократно используется применительно к праведному гневу, Божьему или человеческому, например:

Мир дрогнет, вееет знамя гнева (Г. Державин); *Пусть же будет трижды свято / Знамя гнева твоего, / Женщина — жена солдата, мать народа моего* (М. Алигер).

В качестве субъектов сопоставления в поэтических текстах (помимо собственно гнева) в русских поэтических текстах выступают и иные обозначения данной эмоции — прежде всего злоба/злость и ярость. Отметим, что в поэтических словарях разные проявления гнева находят отражение как в сгруппированном виде [13], так и по отдельности [14].

Злоба (чувство гневного раздражения, недоброжелательства к кому-либо), злость (злое, раздраженно-враждебное настроение) и ярость в текстах русской поэзии в **ММ** представлены, как и гнев, реализациями моделей с объектом **огонь/жар, сосуд, оружие, существо, животное, стихия**. В качестве субъектов сопоставления они входят также в реализации **ММ** с объектами **металл, информация**, например:

И в бездну упадет железной злобы трон (В. Раевский); *Звякнет в пол железной злостью / Там косы сухая жердь* (А. Белый); *Железная ярость, рожденная гневом* (Я. Каменский); *медной ярости комок* (П. Коган); *...небо лишь могло бы / Прочесть в сердечных тайниках / Страницы пламенные злобы* (Л. Якубович); *страницы злобы и порока* (М. Лермонтов); *Прикрепил кнопками свою ярость к столбу* (В. Шершеневич).

Злоба и злость, в отличие от гнева, не концептуализируются как свет, что, по-видимому, обусловлено отсутствием у данных состояний каких-либо «возвышенных» начал, позволяющих провести аналогии с солнечным или звездным светом. Единичными реализа-

циями представлены **ММ «злоба — музыка», «злость — еда», «ярость — растение»**, объектами сопоставлений в которых являются звуки «барабанов, цепей, топора», приправа к пище, колючий кустарник:

Мать-природа! Иду к тебе снова / Со всегдашним желаньем моим — / Заглуши эту музыку злобы (Н. Некрасов); ... крупной солью светской злости / Стал оживляться разговор (А. Пушкин); Ад, засеяв жизни поле / Терном ярости и бед, / Рек... (А. Мерзляков).

Поэзия XX–XXI веков, наследуя традиционные ММ, наряду с их устоявшимися реализациями использует и иные, отличающиеся в целом как более конкретным характером, так и — в ряде случаев — некоторой сниженностью, обытовленностью. Предметность гнева (и его разновидностей) проявляется в реализациях ММ вещественного характера «гнев — вместилище», «гнев — вещество» и др., в которых гнев уподобляется, например, сундуку (Н. Клюев), бочке (В. Маяковский), медному купоросу (П. Коган), состоянию плюющего дождя (В. Черномский). Депозитизации традиционных образов, как отмечают авторы «Очерков языка русской поэзии», способствуют тропы, в которые входят «обозначения разного рода отбросов» [15]. Показательно в этом плане следующее сопоставление И. Губермана:

Забросив гнев, как мусор в урну, / И выводя на сердце пятна, / Я часто мыслю нецензурно... / Но выражаюсь — деликатно!

Содержание ММ гнева отражает ряд качеств и свойств, присущих данной эмоции. Гнев отличается интенсивностью, во многих случаях — бурным характером протекания, разрушительным потенциалом, реализуемым по отношению как к другим людям, так и к самому его носителю. В поэтических текстах отмечены особенности бытования гнева, который *просыпается, вспыхивает, разгорается, зреет, сгущается, кипит, угасает* — подобно живому существу, огню, плоду, тучам, воде и т. д. ММ связывают гнев со всеми элементами мира: огнем, водой, землей и воздухом; при этом обнаруживается и соединение стихий огня и воды (гнев как кипящая жидкость), воды и воздуха (тучи), воздуха и огня (молнии). Гнев концептуализируется и как свет, и как мрак. Помимо гнева как такового выделяется Божий гнев, отличающийся большим масштабом и имеющий локализацию чаще всего в верхней области пространства мира; праведный гнев, народный гнев как «благородные» формы; одна из особенностей народного гнева — способ-

ность нарастать, вскипать, как волна, вздыматься, подобно пене и др. Отметим, что гнев может соседствовать с любовью, например:

Господь, меня готовя к бою, / Любовь и гнев вложил мне в грудь (А. Толстой); *Лишь меняет буря гнева / Да любовь твои черты* (Н. Некрасов); *Но за любовью зреет гнев* (А. Блок) и др.

Выделяется и гнев отдельной личности, вызванный теми или иными обстоятельствами, внутренними или внешними. Такой гнев зачастую осмысливается негативно: он, в отличие от Божьего гнева, представляет собой «ловушку ада», «дьявольскую пасть» (В. Яшков). Авторы нередко указывают на пребывание гнева внутри человека, существование его как в душе, так и в теле. Внутри человеческого тела гнев может иметь конкретную локализацию. Помимо традиционного «жара в груди» гнев проявляет себя как нечто находящееся в сердце, крови, печени, например:

И четко шагает гнев сухорукий / По пустому сердцу от угла к печи (С. Третьяков); *И в жилах кровь от гнева вязнет, / Готовая взорвать висок* (И. Эренбург); *От гнева в печени, мечты во лбу, / Богиня верности, храни рабу* (М. Цветаева).

В заключение приведем фрагмент стихотворения И. С. Тургенева, включающий реализации — в небольшом текстовом пространстве — разноплановых ММ с целью характеристики одного из состояний гнева:

И гнев его исчез, как пар, / Как пыль, как женские страданья, / Как дым, как юношеский жар, / Как радость первого свиданья.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / под ред. А. Н. Баранова. М., 2004. С. 27.
2. Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999. С. 44.
3. Вотякова И. А. Некоторые замечания о концепте «гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского гос. ун-та. История и филология. Лингвистика. 2015. 25. Вып. 6. С. 5.
4. Красавский Н. А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) // Молодой ученый. № 6 (март-2). 2015. С. 823.
5. Маркина М. В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
6. Ли Инин, Сунь Ин. Концептуализация эмоции «гнев» в художественном тексте (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2014. № 7 (37). Тамбов, 2014. Ч. 2. С. 122–125.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд. М., 2010.

8. *Омарова П. М.* Когнитивная структура базовых эмоциональных концептов гнева, страха и радости в английском и даргинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010.

9. *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов. М., 1999.

10. *Вотякова И. А.* Указ. соч. С. 7.

11. *Голев Н. Д.* Оказиональная символизация внутренней формы лексических единиц в тексте. Ч. 1 // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. С. 69.

12. *Смолянко Ю. В.* Концептуальная метафора как одно из средств представления эмоции гнева в художественном тексте // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. Вып. 3 (11). 2010. С. 175–180.

13. *Павлович Н. В.* Указ. соч.

14. *Иванова Н. Н.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.). М., 2004.

15. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* М., 1995. С. 46.

ANGER in Russian poetry: metaphorical models

The article considers the realization of the metaphorical models, reflecting the concept «Anger». The article is based on a wide corpus of Russian poetry of XVIII–XXI centuries revealing comparisons of figurative names of anger. This emotion appears as fire, light, darkness, nature, water, creature, substance, etc. The foundation of traditional comparison is different characteristics of anger: intensity, destructive power, the process (anger wakes up, breaks out, inflames, boils, dies). The article also specifies the varieties of anger: God, people, human. Gods anger has considerably destructive force (models anger — fire, anger — water); it is located at the top of the space of the world. Poetry of XX–XXI centuries is being interpreted and developed in traditional models influenced by the trends of the new poetry. The images of anger become more detailed and specified.

Keywords: anger, emotion, metaphorical model, poetic text.

© **М. Л. Кусова**

УрГПУ, г. Екатеринбург

«Умный» — «Дурак»:

в языке и языковом сознании школьников¹

Автор описывает содержание концептов «Умный», «Дурак», определенное на основе данных Словаря-тезауруса синонимов русской речи и отраженное в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации». Представлены лексические, фразеологические средства репрезентации

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты».